

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сибирские Огни

художественно-литературный
научно - публицистический
журнал

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

№ 3
Май—Июнь
1926

Пятый год издания

СИБИРСКОЕ
КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК

Ф. М. Достоевский в Семипалатинске".

М. Д. Исаева.

Ф. М. Достоевский, как известно, по окончании четырехгодичных каторжных работ в Омской тюрьме, был сдан в солдаты в Семипалатинский № 7 сибирский линейный батальон, в котором и пробыл: 2-го марта 1854 г. по 30 июля 1859 г., сначала рядовым, потом унтер-офицером и, наконец, прапорщиком. Проживая в Семипалатинске, Достоевский завел связи и знакомства. Более всего судьба связала его с семейством Исаевых. Мария Дмитриевна Исаева оказалась в центре внимания Федора Михайловича и сыграла в его жизни большую роль. Судьба ее оказалась тесно связанной с судьбой великого писателя: она стала женой Федора Михайловича. В настоящей статье мы намерены дать картину взаимных отношений этих двух лиц.

По сообщению барона Врангеля, Мария Дмитриевна Исаева была дочь директора Астраханской мужской гимназии**). Она вышла замуж за учителя той же гимназии—Александра Ивановича Исаева, очутившегося потом на службе в Семипалатинске в звании чиновника по особым делам при военном губернаторе по корчемной части. Исаев был добрый, скромный и хороший человек, но страдал ужасным запоем, который, вероятно, и привел его из Астрахани в Семипалатинск. Жена Исаева—Мария Дмитриевна была образованная женщина, знала даже иностранные языки. Блондинка, средней роста, довольно красивая, страстная и экзальтированная, но с подозрительным румянцем на лице, она сразу же привлекла внимание Достоевского.

Несмотря на то, что Семипалатинск времен Достоевского был страшным захолустием, имя Федора Михайловича, как талантливого писателя, уже было знакомо некоторым представителям городского интеллигентного общества, в том числе и М. Д. Исаевой. Кроме того, некоторые интеллигентные лады приняли участие в судьбе Достоевского, как потерпевшего политического, и старались, чем только можно, облегчить жизнь Федора Михайловича. Ближе других лад к Достоевскому стали—Степанова, жена ротного команда-ра, поэтесса, дававшая Достоевскому для прочтения и поправок свои стихи,

* См. «Сиб. Огни» № 4 за 1924 г.

**) Врангель—«Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири». СПБ. 1912 г.

и Исаева. Последняя относилась к Достоевскому ласково и жалела его. Но привязаности к нему она, по крайней мере в первую пору знакомства с Федором Михайловичем, не чувствовала. Несмотря на всю экспансивность своей натуры, Исаева не закрывала глаза на то, что Достоевский — эпилептик, человек «без будущности». Это чувство сострадания к себе со стороны Исаевой Достоевский принял за любовь и, со своей стороны, влюбился в Марию Дмитриевну горячо и страстно.

В разговорах со своим другом, стряпчим по уголовным и гражданским делам в Семипалатинске, бароном А. Е. Врангелем, Ф. М. отзывался об Исаевой восторженно. Он часто бывал в квартире Исаевых и всегда возвращался домой в экстазе, очарованный Марией Дмитриевной. Каждую лишнюю минуту от службы он старался провести в доме Исаевых.

Знакомство Исаевой с Достоевским, конечно, не могло укрыться от взоров семипалатинских дам из чиновного мира, и Мария Дмитриевна явилась предметом злословия со стороны местных обывательниц. Они не могли понять, для чего нужно было Исаевой возиться с больным и ссылким солдатом. Мария Дмитриевна по своему умственному развитию стояла неизмеримо выше прочих городских дам, с которыми у неё мало было общего, а экспансивность Исаевой шокировала дам; все это, конечно, не создавало почвы для сближения обеих сторон. Дружба же Исаевой с Достоевским еще больше дала дамам материала для пересуд и сплетен по адресу Марии Дмитриевны. Последняя знала об этих сплетнях и, не обращая на них внимания, держалась с достоинством.

Исаева умела поддерживать в обществе занимательный разговор, была интересной собеседницей и не давала скучать публике.

Глубокая любовь, которую чувствовал Федор Михайлович к Исаевой, невидимому, не могла не отразиться и на Марии Дмитриевне, и ее дружба к Федору Михайловичу постепенно стала переходить в чувство теплой привязанности к писателю... К моменту от'езда Исаевых из Семипалатинска, уже и сама Мария Дмитриевна была захвачена своим чувством к Федору Михайловичу.

Ревность и любовь почти всегда неразлучные спутницы. Это чувство испытал и Федор Михайлович. Когда Исаевых летом 1855 г. перевели в Кузнецк, и Мария Дмитриевна не протестовала против этого* перевода, Федор Михайлович горько жаловался своему другу Врангелю:

— И ведь она согласна, не противоречит, вот что возмутительно! — выражалось у Достоевского.

Исаева жалела своего больного мужа и не могла его бросить одного, — вот причина согласия ее поездки в Кузнецк. Как бы то ни было, но от'езд Исаевой сильно поразил Федора Михайловича. Он положительно пришел в отчаяние. Ему казалось, что с от'ездом Исаевой — у него все потеряно...

К довершению всего оказалось, что Исаевы¹ в долгах и не в состоянии двинуться. Пришлось им распродать почти все свое имущество, чтобы расплатиться с долгами. На дорогу денег Исаевым дал Врангель, Федор Михайлович с ужасом ожидал момента расставания с Марией Дмитриевной. Сцену их разлуки Врангель долго потом не мог забыть. Ферод Михайлович, при расставании с Исаевой, рыдал, как ребенок. Врангель с Достоевским провожали Исаевых за город. Желая дать последнюю возможность Ф. М. побеседовать наедине и без лишних свидетелей проститься с Исаевой, Врангель напоил шампанским самого Исаева, и он был замертво положен в дорожный экипаж. В последний раз прошились влюбленные: обнялись, поплакали, и дорожная

пыль скоро скрыла из глаз Достоевского дорогой экипаж... ^{плаком вернувшись из разлуки,} Достоевский, склонив голову, долго ^{Потрясенный разлукой,} Друзья

Достоевский не спал всю ночь, метался по своей комнате и утром больной от страданий и бессонницы отправился на ученье в лагерь. В течение целого дня он даже не прикоснулся к пище и только курил трубку за трубкой. Сильная тоска охватила Достоевского с отъездом Исаевой. Он похудел, здоровье его заметно стало растревожиться, что немало обеспокоило его друга Врангеля. Письма остались единственной связью Федора Михайловича с Исаевой, и в них он изливал свою душу. Достоевский забросил даже свои «Записки из мертвого дома», над составлением которых работал под ^{Федором} ~~Федором~~ ^{бумрованием}.

С дороги Исаева прислала Федору Михайловичу письмо, в котором сообщала, что она расстроена и больна. К нее знает, как

без нее время и как располагаются его часы. Встревоженный известием о болезни Марии Дмитриевны, Достоевский отвечает ей горячим письмом, в котором тревога за ее здоровье мешается с восторгом перед любимой женой и тоской по ней:

«Благодарю вас беспредельно за паше милое письмо с дороги, дорогой и незабвенный друг мой, Мария Дмитриевна! Судя по тому, как мне тяжело без вас, я сужу и о силе моей привязанности. Как то вы приехали в Кузнецк и, что боже сохрани, не случилось ли с вами чего-либо? Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных не- приятностей, а тут еще и болезнь, да как это вынести! Только об вас и думаю. К тому же вы знаете, я мнителен; можете судить о моем беспокойстве. Боже мой! да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти дразги, вас, которая может служить украшением всякого общества? Распроклятая судьба! Жду с нетерпением вашего письма. Ах, кабы было с этой почтою! Вот уже две недели, как я не знаю, куда деться от грусти. Если бы вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! Право, это время похоже на то, как меня в первый раз арестовали в сорок девятом году и скоронили в тюрьме, оторван от всего родного и милого. Я так к вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное, а теперь, лишившись вас, о многом догадалась по опыту. Я припоминаю, что я у вас был, как у себя дома. Вы—удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты. Если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарный, а во-вторых, вы сами болдыни, раздражены, обижены уже тем, что не ценили вас поганое общество, не понимали. Мне все напоминает разлуку. По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляясь к вам, находит такая тоска, что будь я слезлив, я бы плакал, а вы верно бы, надо мной не посмеялись за это. Сердце мое всегда было такого свойства, что прирастает к тому, что мало, так что надо потом отрывать и кровинить сто. Живу я теперь совсем один, деваться мне совершило некуда: мне здесь все надоело. Такая пустота! Погните, как один раз нам удалось побывать в Казаховом саду*. Как свежо я все припомнил, приюдя теперь в сад! Там ничего не изменилось, и скамейка, на которой мы сидели, та же... И так стало грустно! Приводив вас за леса и расставившись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку. Тут-то я почувствовал, что широты ^и тумуриг ^и но. Сев на дрожки, мы говорили—об вас—в особенности ^{Дома и селе} ^{дело} Не спал, ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил все, все, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. Иногда хвораю. Заходит на вашу квартиру, взял плюш (он теперь со мной). С каким нетерпением я ждал татар извозчиков!**). Наконец, извозчики вернулись. Ваше письмо за которое благодарю вас несметно было для меня радостью ^и лягушками. Они мне мало рассказали. Как хвалили вас (все-то вас хвалият, Мария Дмитриевна!) Я до сих пор не придумаю, как вы доехали! Как мило вы написали письмо, Мария Дмитриевна! Именно такого письма я желал. Как мне было жаль, что вы хворали дорогой! Когда-то дождуясь вашего письма! Я так беспокоюсь! Как-то вы доехали? ПРОЩАЙТЕ, незабвенная Мария Дмитриевна! Прощайте! Ведь увидимся, не правда ли? Пишите мне чаще и больше, пишите об

*) Загородная дача Врангеля, с которым Достоевский жил одно время.

**) Семипалатинские татары-возчики возили кладь в Кузнецк и оттуда должны были доставить Достоевскому письмо Исаевой.

Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше. Прошайте, прошайте, неужели не увидимся?» (письмо в Кузнецк, от 4 июня 1855 г.).

Переписка с Кузнецком продолжалась. В ней Федор Михайлович находил отдых и утешение. Но этого для Достоевского было мало. Он чувствовал глубокую потребность видеть Марию Дмитриевну, беседовать с ней непосредственно...

Достоевский продолжал переписываться с Исаевой. Но вот переписка приняла тревожный характер. В письмах Исаевой к Достоевскому стала попадаться фамилия учителя Вергунова. Это был товарищ А. И. Исаева по училищу. Он занимался с сыном Исаевой, а Мария Дмитриевна давала ему уроки французского языка. Исаева тепло отзывалась о Вергунове, хотя это был совершенно бесцветный человек. Письма Исаевой внесли в жизнь Достоевского большую тревогу; по-видимому, Федор Михайлович испытывал чувство резности. Потерять Марию Дмитриевну для Достоевского было страшно. Его мнительность рисовала ему всякие страхи. К этому прибавилась смерть Исаева, скончавшегося 4 августа 1855 г. от запоя. Мария Дмитриевна не отходила от постели мужа при его последних днях. Несколько дней подряд провела без сна, потеряв и аппетит. А. И. Исаев, чувствуя смерть, терзался от мысли, что оставляет семью свою без всяких средств к существованию. Перед смертью он все повторял жене: «Что будет с тобой, что будет с тобой!». Сын Марии Дмитриевны, Паша, обезумел от слез и горя. Смерть отца потрясла его ужасно. Мария Дмитриевна жестоко страдала и за мужа и за сына. Терзания покойного были основательны: Мария Дмитриевна осталась буквально без копейки денег. Правда, ей помогали знакомые, но это была временная помощь и небольшая.

Зная тяжелое положение вдовы Исаевой, кто-то из кузнецких обывателей прислал ей три рубля. «Нужда руку толкала принять и приняла... подаяние»—писала она потом Достоевскому.

На Федора Михайловича выпала большая забота—счасти. Исаеву от нужды. Он в горячем письме к другу своему Врангелю просит его выслать Исаевной некоторую сумму. Сам посыдает ей 25 руб., за что и получает от нее выговор, так как Исаева хорошо знала материальную необеспеченность Достоевского. Вместе с тем Федор Михайлович принял горячее участие в хлопотах о назначении вдове казенного пособия в 250 руб. серебром, как жене чиновника, умершего на службе. К этому делу он привлек и влиятельного Врангеля. Но пока что—Исаева осталась без средств и надеялась только на распродажу своего скромного имущества.

«Я вам покажу письмо (Исаевой), когда вы приедете,—пишет Федор Михайлович Врангелю,—Боже мой! Что это за женщина! Жаль, что вы ее так мало знаете. Желал бы от души, чтобы вам было в 10.000 раз веселее моего» (письмо от 23 августа 1855 г.)

> На беду, деньги, посланные Исаевой Врангелем, не выдавались на кузнецком почтамте по формальным основаниям. Опять для Федора Михайловича тревога и хлопоты. Достоевский вообще попечение о вдове Исаевой и ее сыне Паше считал неотложной обязанностью, прямо целью жизни. Удрученный тяжелым положением Исаевой и занятый мыслью возможно лучше устроить Марию Дмитриевну, Достоевский даже прервал свою переписку с друзьями. Так, в письме к А. Майкову от 18 января 1856 года Достоевский сообщает:

«Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго мешавший а моей жизни и, наконец, посетивший меня, увлек и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня»

Кроме бедности Исаевой, Достоевского еще мучила мысль об отношениях между Исаевой и Вергуновым. Достоевский допускал трагический конец: возможность выхода Исаевой замуж за Вергунова. Он рвался в Кузнецк, искал необходимых для этой поездки 100 рублей и терзался ужасно. С другой стороны, если бы брак Исаевой с Вергуновым состоялся, он не избавил бы Марии Дмитриевну от бедности, так как Вергунов ничего не имел. В отчаянии, Федор Михайлович опять умоляет Врангеля о скорейшем исходатайствовании Исаевой казенного пособия, что дало бы ей возможность несколько пердохнуть.

«Друг мой, добрый мой ангел! Если вы все еще продолжаете любить меня, то помогите, если можно, и в этом деле. Ради бога спрямьтесь об участии представления (о выдаче казенного пособия. Б. Г.); верно, у вас найдутся знакомые, которые вам помогут в этом, и люди с влиянием и весом. Нельзя ли так попытаться это дело, чтобы оно не залежалось и разрешилось в пользу Марии Дмитриевны, Ангела мой! Не поленитесь, сделайте это ради Христа! Подумайте: в ее положении такая сумма — целый капитал, а в **теперьшнем** положении ее — спасение единственный выход. Я требую, чтоб она, не дождавшись этих денег, не вышла замуж. У него (Вергунова?) ничего нет, у нее тоже. Брак потребует издержек, от которых они оба года два не поправятся! И вот опять для нее бедность, опять страданье, да что же она, бедная, будет страдать и вечно страдать?» (письмо от 21 июля 1856 г.).

Но страхи Федора Михайловича потерять любимую женщину оказались преувеличенными. Исаева скоро разочаровалась в своей новой привязанности; Вергунов оказался не опасным соперником.

Переписка между Достоевским и Исаевой закончилась предложением, сделанным Федором Михайловичем Марии Дмитриевне и принятым последней. В радостях, Достоевский пишет Врангелю:

«Теперь, друг мой, хочу объявить вам об одном важном для меня деле. Коротко и ясно: если не помешает одно обстоятельство, то я, до маслянины, женюсь — вы знаете, на ком. Она же любит меня до сих пор... Она сама сказала мне да. Она меня любит. Это я знаю наверно. Она скоро развернется в своей новой привязанности. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если бы вы знали, что такое эта женщина! Я вам пишу наверно, что я женюсь» (письмо от 21 декабря 1856 года).

Через месяц после этого письма Достоевский отправляет Врангелю другое, где сообщает:

«Да, друг мой незабвенный, судьба моя приходит к концу. Я вам писал последний раз, что Мария Дмитриевна согласилась быть моей женой. Отношения с Марийей Дмитриевной занимали всего меня в последние два года. По крайней мере, жил, хоть страдал, да жил!» (письмо от 25 января 1857 г.).

Приготовления к свадьбе доставили Достоевскому много хлопот. Прежде всего — не было денег. С большим трудом удалось Достоевскому занять 600 рублей. Получив отпуск на 15 дней, Федор Михайлович выехал 27 января 1857 года в город Кузнецк и там повенчался с Евой Исаевой в Богородской церкви 6 февраля. При возвращении в Семипалатинск, с Федором Михайловичем случился в Барнауле сильнейший приступ эпилепсии, весьма напугавший Исаеву. Призванные врачи рекомендовали Федору Михайловичу немедленное и правильное лечение при полной свободе, иначе во времяпадучей больной может умереть от горловой спазмы.

По приезде в Семипалатинск, заболела Мария Дмитриевна. Как на грех, на этот раз приехал бригадный командир делать смотр войскам, и До-

достоевскому приходилось проводить время на парадах, так что он даже не имел возможности ухаживать за больной женой. Не мало времени отнимали хлопоты по устройству квартиры и необходимого хозяйства. Приходилось заходить все, начиная с белья. Мария Дмитриевна сумела устроить в семье полный уют. Обстановка была скромная, но вполне располагающая к работе, и Достоевский в это время много писал.

Говорят, что Вергунов, по выходе Исаевой замуж за Достоевского, приезжал в Семипалатинск, но Федор Михайлович сурово встретил Вергунова и предложил ему больше не показываться на глаза Достоевским...

Волнения последних двух лет и настойчивые советы врачей не откладывали лечение падучей побудили Достоевского взять в конце мая 1857 г. двухмесячный отпуск и отправиться на отдых в поселок Озерки, в 16 верстах от Семипалатинска. Мария Дмитриевна настаивала на этом отдыхе самым решительным образом. Эпилепсия мужа и пугала и мучила ее. Много пришлось понести Федору Михайловичу забот и о пасынке своем, Паше Исаевом, об определении которого в учебное заведение на казанный счет Достоевский лкого хлопотал.

Ухудшение в состоянии здоровья Федора Михайловича крайне беспокоило Марию Дмитриевну, на руках у которой оставался непристроенный в школу сын Павел. Вторичное вдовство пугало ее. Федор Михайлович видел ее тревогу и в свою очередь сам беспокоился. Военная служба тяготила Достоевского, и он подал прошение об увольнении его по болезни в отставку, что и состоялось 18 марта 1859 г. Достоевский хотел поселиться в Москве, но ему указали на Тверь, куда он и выехал с семьей в августе 1859 года. В письмах из Твери к Врангелю Достоевский сообщает о болезни Марии Дмитриевны,—видимо, злой недуг (болезнь легких) давал себя чувствовать, Мария Дмитриевна постоянно хворала, нервничала и ревновала...

Тверь Достоевский находил хуже Семипалатинска в тысячу раз. Федор Михайлович стремился в центр. Только в январе 1860 г. Достоевскому разрешили поселиться в Петербург, куда он и приехал один; Марию Дмитриевну, в виду слабости ее легких, пришлось направить на жительство в более мягкий климат—в Москву. Здесь она продолжала таять, и, наконец, 16 апреля 1864 г. скончалась от чахотки.

Был ли Федор Михайлович счастлив с Марийей Дмитриевной? Ответом на этот вопрос может служить письмо Достоевского к Врангелю от 31 марта 1865 г. с посмертной характеристикой Марии Дмитриевны:

«О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Все расскажу вам при свидании,—теперь же скажу только то, что несмотря на то, что мы с ней были положительно несчастны вместе (по ее странному, мистическому и болезненно-фантастическому характеру), мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как УМ странно, а это было так. Эта была самая честнейшая, самая благороднейшая и великолушная женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла, я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мущительно чувствовал, что я хорошо с нею, но никак не мог вообразить до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уже год, а чувство все то же, не уменьшается...».

Позднее Достоевский встретился с Врангелем в Копенгагене. Разговор, естественно, коснулся и Сибири. Поделились сибирскими воспоминаниями, вспомнили сибирских знакомых. Во время этого разговора Федор Михайлович произнес слова, которые, пожалуй, можно считать ответом на прожитую Достоевским с Исаевой жизнь.

— Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которая дала нам любимая нами женщина. Не следует требовать от нее вечно жить и только думать о вас, это недостойный эгоизм, который, надо уметь побороть.

Военная служба.

Тяжесть каторги состояла не в цепях (кандалах), бритой голове, или бубновом тузе на спине, а в постоянном вынужденном, насильственном, а потому и мучительном сожительстве с посторонними людьми, согнанными в тюрьму с разных концов России. Этот обязательный, неприятно-тяжелый груз теперь для Достоевского отпадал, казарма снимала его с Федора Михайловича. Он мог уединяться, сколько ему было угодно, мог углубиться в себя, заглянуть в свою душу с большей уверенностью, чем на каюре, что его не потревожат. И очевидцы жизни Достоевского в семипалатинской казарме свидетельствуют, что Достоевский держался в казарме уединенно. Он чувствовал всю прелест такой добровольной изолированности, о чем с восторгом писал своим родным. Но возможность уединения, конечно, не выкупала всей тяжести солдатской службы, которая давалась нелегко.

Прекрасной характеристикой его состояния служит другое письмо Федора Михайловича от 30 июля 1854 г. к старшему брату Михаилу Михайловичу:

«Приехал я сюда в марте месяце. Фронтовой службы почти не знал ничего и между тем в июле месяце стоял на смотру наряду с другими и знал свое дело не хуже других. Как я уставал, и чего это мне стоило — другой вопрос; но мною доводы и слава Богу!. Как ни чудно все это тебе, но я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всеми обязанностями солдата не совсем то легка для человека с таким здоровием и с такой отычкой, или, лучше сказать, с таким полным ничегонезнанием в подобных занятиях. Чтобы приобрести этот навык, надо много труда».

Достоевский был зачислен в 1 роту батальона, помещавшуюся в деревянной казарме, которая сгорела в 1881 г. Спали солдаты вповалку на нарах; далеко не всякий имел необходимый кусок копыты. Питались отвратительной бурдой, изготавливавшейся солдатской кухней. Федор Михайлович не мог есть тоннотворную похлебку и сидел больше на чаю. Испытывал большие материальные недохватки и, весьма нуждаясь в деньгах, Достоевский не в состоянии был иметь дополнительное питание, недостаток которого Федор Михайлович восполнял усиленным чаепитием. К счастью, товарищ у Достоевского по солдатским нарам оказался обладателем самовара, и Федор Михайлович беспрепятственно отводил душу за стаканом чая. Очевидцы его жизни в казарме говорят, что Достоевский сидел за самоваром подолгу и чай пил

Ругань и взаимные оскорбления постоянно висели в казарме... Солдаты, прикрепленные к казарме, как арестанты к каторге, не имевшие между собой никакой связи, с проклятьем тянули солдатскую лямку. Батальон кипел, как в кotle, доставляя начальству много хлопот и беспокойства. Дисциплина поддерживалась в казарме суровыми мерами. Зуботычины, толчки, кудачная расправа были обычными явлениями в казарме, создавая арестантскую обстановку. И все это происходило на глазах Федора Михайловича, доставляя ему большое страдание. В своей злобе солдаты не щадили никого, оскорбляя и мальчиков в солдатских мундирах, которые часто сдавались в службу из кантонистов. На каждом шагу в казарме звериный лик давал себя чувствовать,

Федор Михайлович жалел мальчиков-солдат и нередко помогал им чем только можно, стараясь уберечь их от оскорблений казармы. При таких условиях жизни, настроение Достоевского не могло быть высоким. И действительно, на лице Федора Михайловича редко можно было видеть улыбку. Сидел он в казарме обыкновенно молча, занятый своими думами. Может быть, первое время он не мог еще прийти в себя от пережитого в Омске. Может быть, образы каторги, неотступно преследовали его, заставляя в воспоминаниях переживать ужасный пройденный путь. Даже в моменты, когда казарма веселилась и когда какой-нибудь солдат-весельчак откальвал уморительную штуку на потеху публике, даже в такие моменты Достоевский слабо реагировал на беспощадное удальство товарищей по службе и иногда слегка улыбался тому, что видел. На лице его всегда лежала печать грусти. Вместе с прочими солдатами Достоевский выполнял караульную службу по всем государственным учреждениям, где требовался военный караул: у денежного ящика в казначействе, у тюрьмы, гауптвахты, амбара с казенной известью и т. д.

Достоевскому как-будто самому правилось тянуться хотя последнее, и лице унтер-офицеров, не всегда замечало воинскую честь, отдаваемую им рядовым Достоевским. Федор Михайлович тщательно следил за тем, чтобы амуниция его была исправна. В тех случаях, когда мундир или брюки его страдали дефектами, он одевал сверху шинель, хотя бы и было тридцать градусов тепла, чтобы скрыть от постороннего взгляда недостатки своего костюма.

В звании рядового Достоевский пробыл около двух лет. Это было, несомненно, самое тяжелое время для Федора Михайловича в Семипалатинске. Новые условия жизни, необходимость изучать военную службу, потерянное здоровье — все это отзывалось на Достоевском и требовало от него большого физического и нервного напряжения.

Наконец, он был произведен в унтер-офицеры.

С солдатами Федор Михайлович обращался мягко, не давая чувствовать разницы между ними и им. Если со стороны некоторых солдат случались грубости по отношению к Федору Михайловичу, последний спосибирь терпеливо и в ссору не ввязывался.

Будучи солдатом, Достоевский посещал иногда дома некоторых своих знакомых. Но он всегда чувствовал, что он солдат и всегда помнил о воинской дисциплине.

С Достоевским был следующий интересный случай: Федор Михайлович как-то был в гостях у одних из своих знакомых. Зачем-то ему понадобилось нынче в переднюю. В это время в переднюю вошел офицер в шинели. Увидя солдата, офицер подставил ему свои плечи — Достоевский быстро снял с них шинель, повесил на вешалку и за офицером потом вошел в гостиную.

1-го октября 1856 года Достоевский был произведен в унтер-офицеры. Начинается новый период в жизни Федора Михайловича. Он уже вливается в офицерскую среду, на правах равного члена ее. Но это общение с офицерством не могло дать ему большего удовлетворения. Правда, он уже не был солдатом, отношение к нему со стороны офицеров стало другое, но все же новая среда не удовлетворяла его. Состав офицерства был разнообразный. Тут было несколько образованных офицеров, ценивших личность Достоевского, но большинство офицеров было с низким культурным уровнем, который мало чем различался от уровня солдат. Только офицерская форма этой категории во-

енных чинов и выделяла их из общей солдатской массы. В числе офицеров знались старые севастопольские герои-солдаты, выслужившиеся в офицерский чин за боевые отличия. Им давали для вида экзамен на офицеры и без задержки пропускали в командный состав. Сам командир батальона, подполковник Велихов, выслужился в офицеры из кантонистов за какие-то боевые отличия, поднялся по служебной лестнице и даже получил в управление батальон. Некоторые из офицеров были настолько малограмотны, что с трудом могли подписывать свою фамилию. Для них было сущим наказанием получение следующего чина, пропись которого надо было изучать; напр., подпоручик, вместо прапорщика. Уже хорошо научился человек подписывать: прапорщик, как вдруг выплывает новое слово: подпоручик или поручик; было над чем попотеть г. г. офицерам.

Как офицер, Достоевский аккуратно появлялся в офицерском собрании, когда его официальное положение требовало его присутствия там, но особенно в такую кампанию не стремился. Бывали моменты, когда удрученный эпилепсией и с подавленным настроением духа—он уединялся от людей, не хотел знакомиться с новыми лицами и на всякого нового человека, с которым в этот момент сталкивала его судьба, готов был смотреть, как на врага. Офицерский чин, хотя и улучшил положение Достоевского, но в общем он своим званием тяготился. Прежде всего офицерский чин ввел его в долги. Кое-как удалось ему частично обмундироваться, в остальном ему помог его близкий друг Врангель, от которого Достоевский получил из Петербурга каску, полусаблю и офицерский шарф (этих вещей невозможно было достать в Семипалатинске). Производство в офицеры Достоевский получил благодаря хлопотам своих влиятельных друзей: адмирала Тотлебена, барона Врангеля и друг. В судьбе Федора Михайловича принял большое участие и принц Ольденбургский. Но затеянным желанием Достоевского было уйти в отставку. Здесь он опять обращается к своим столичным друзьям, прося их похлопотать за себя. В письме к Врангелю от 23 марта 1856 г. Федор Михайлович говорит:

«Напишите на то, чтобы мне оставить воинскую службу (но главное, если можно чего-нибудь более, т. е. даже полного прощения, то не упускайте этого из виду). Нельзя ли, например, уволить меня с правом поступления в статскую 14-м классом и с возможностью возвратиться в Россию?».

В другом письме к тому же Врангелю от 9-го ноября 1856 г. Достоевский говорит:

«Друг мой, вы спрашиваете меня, чего я желаю, о чем просить? И говорите тоже, что меня могут перевести в Россию? Но, друг мой, я знаю, что я даже и не служа, через год, через два и без того буду возвращен окончательно. Перевод же в армию еще тем хуже, что я, во всяком случае, плохой офицер, хотя бы по здоровью. А надо будет служить. Если бы я желал возвратиться в Россию, так это единственно для того, чтоб обнинять родных и повидаться с докторами знающими и узнать, что у меня за болезнь (эпилепсия), что за припадки, которые все еще повторяются и от которых каждый раз теряет моя память и все мои способности, и от которых боюсь впоследствии сойти с ума. Какой я офицер? Если б меня выпустили в отставку, хоть бы оставил здесь на время твои все мои желания. Я бы добыл себе денег на существование. Здесь я бы не пропал... и потому напишите мне **положительно** (по возможности): в 1, могу ли я в очень скромном времени, по слабости здоровья, подать в отставку (прося на всякий случай возвращения в Россию, для совета с докторами) и 2, могу ли я печатать».

Итак, Достоевский мечтал об уходе в отставку отчасти по слабости здоровья, отчасти из-за желания скорее начать печатание своих произведений

Женитьба на Исаевой наложила на Достоевского обязанность пристроить пасынка своего, Павла Исаева, в школу; хотелось поместить его в Сибирский кадетский корпус. Ввиду этого Достоевский подал на имя своего батальонного командира Велихова следующее собственноручно написанное прошение от 27 июля 1857 г.:

«Господину Командиру Сибирского линейного № 7 батальона, подполковнику Велихову.

Вчерашия числа, возвратясь из двухмесячного отпуска, данного мне для излечения застарелой падучей болезни, в форпосте Озерном, я получил от Семипалатинской Городской полиции извещение, что пасынок мой, девятилетний Исаев, принят в Сибирский кадетский корпус. Дежурство Корпусного штаба известило Семипалатинскую Городскую полицию от 17 июля 1857 г. № 3207, чтого высокопревосходительство, господин корпусный командир, изволил сделать распоряжение об отпуске из Тобольского окружного казначейства под расписку г-жи Исаевой (нашне жены моей, Достоевской) прогонных денег и подорожной на доставление в Сибирский кадетский корпус к 1-му августа сего года сына ее Исаева. Но так как жена моя, вступая со мной в брак, переехала на жительство из города Кузнецка, Томской губернии, в г. Семипалатинск, то г. начальник корпусного штаба, уведомленный о сем обстоятельстве, уже просил Тобольскую казенную палату о выдаче прогонных денег и подорожной на доставление Павла Исаева в г. Омск из Семипалатинского окружного казначейства, по требованию матери его, г-жи Достоевской, бывшей в первом браке Исаевой. Имея честь почтительнейше уведомить о сем обстоятельстве ваше высокоблагородие, нахожусь вынужденным присовокупить, что Семипалатинское окружное казначейство, без указа Тобольской казенной палаты не может выдать следуемые Павлу Исаеву деньги. И потому почтительнейше прошу известить о сем обстоятельстве его превосходительство господина Семипалатинского военного губернатора. Как вотчим Павла Исаева, я обязан распорядиться о доставлении его в Сибирский кадетский корпус непременно к первому августа с. г. или по крайней мере, в первых числах того же месяца. Имея доверенного человека для препровождения Павла Исаева, именем почтальона Семипалатинского почтамта Липухина, я, если уже не могу получить тотчас же прогонных денег, непременно должен снабдить своего пасынка подорожной, чтоб не было задержек в дороге. Имея честь почтительнейше изложить вашему высокоблагородию все сии обстоятельства, я осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокоблагородие донести о сем деле его превосходительству, г. Семипалатинскому военному губернатору и исходить изъявлять у его превосходительства подорожную по казенной надобности для доставления в Сибирский кадетский корпус Павла Исаева. Без нее я не могу распорядиться доставлением его в Омск в первых числах августа, и он, не явившись к сроку, может потерять право на поступление в корпус» (это прошение Достоевского извлечено из архивных дел бывшего Областного управления и помещено в Семипалатинском музее).

Прошение Достоевского насквозь пропитано духом субординации; и этом документе чувствуется дисциплина человека, который просит либо старше себя; здесь все почтительно, строго официально, канцелярски точно. Иного прошения и трудно было бы ожидать от Достоевского, неуклонно во всех своих сношениях с начальством соблюдавшего служебную дисциплину.

Как офицер, Достоевский имел денщика, искусного кулинара, исполнившего в то же время по дому все обязанности. Отношение Федора Михайловича к денщику было чисто человеческое. Последний чувствовал это и относился в свою очередь к Достоевскому с уважением,—был к нему привязан. Когда Федор Михайлович хворал после припадков падучей, солдат трогательно ухаживал за своим барином, всячески оберегая его покой. По отъезду Достоевских в Тверь, денщик поддерживал с ним переписку. Вообще Достоевский не кичился своим офицерским званием и не давал знать себя нижним воинским чинам. Его не прельщал блеск офицерского мундира, который он охотно готов был сменить на гражданский сюртук. В Семипалатинске сохранился фотографический снимок Достоевского в офицерском мундире 1858 г. На фотографии Федор Мих. снят сидящим на стуле, с фуражкой в правой руке.

Существует еще другой снимок с Федора Михайловича, совместно с известным потомком Хана средней орды Вали Чоканом Валихановым, так же офицером, проезжавшим через Семипалатинск в научно-военную командировку в Коптарию. Достоевский был знаком с Валихановым еще по Петербургу, где Чокан слушал лекции в университете. Недюжинная личность Валиханова привлекла внимание Достоевского и между ними установились дружеские отношения, закрепившиеся даже общим фотографическим снимком. Оба на фотографии—в офицерских мундирах, при чем Чокан сидит, Достоевский стоит. Желание Федора Михайловича получить чистую отставку, наконец, осуществилось. Высочайшим приказом от 18 марта 1859 г. Достоевский был уволен в отставку по болезни, с возведением в следующий офицерский чин—подпоручика. В том ему много помог его товарищ по Инженерному училищу, известный генерал Тотлебен. Его ходатайство об увольнении Достоевского из военной службы имело решающее значение. В архиве бывшего семипалатинского военного штаба было найдено следующее предписание начальника 24-й пехотной дивизии из Тобольска от 8 мая 1859 г. за № 2251 об увольнении Достоевского в отставку:

«Дежурный генерал главного штаба его императорского величества 27 марта за № 318 уведомил, что высочайшим приказом, в 18 день минувшего марта состоявшимся, прапорщик Сибирского линейного № 7-го батальона, из политических преступников, Достоевский ранен за болезнью от службы с награждением следующим чином. К сему свыты его величества генерал-майор Герштейцейт присовокупил, что об учреждении за подпоручиком Достоевским секретного надзора по избранному им месту жительства в г. Твери и о воспрещении ему въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, вместе с сим сообщено министру внутренних дел и управляемому III Отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Вследствие отзыва господина начальника штаба отдельного Сибирского корпуса от 28 минувшего апреля, № 2586, имею честь редомить ваше превосходительство для сведения» (следуют подписи).

Так закончилась военная служба Ф. М. Достоевского в Семипалатинске. В приведенном выше документе интересны слова: «по избранному им месту жительства в г. Твери». Как избирал Достоевский место жительства, видно из его прошения об отставке, в котором Федор Михайлович избрал Москву,—ему же была указана Тверь. В бывшем Семипалатинском военном штабе и. о. з. этого штаба Скандиновым было найдено в 1903 г. не мало разных документов политического и административного характера, относящихся к личности Достоевского. Часть этих документов, с надлежащего разрешения, была извлечена Скандиновым из штабного архива. Самый архив вскоре после этого по закрытии Семипалатинского военного штаба, был перевезен в г. Омск. Сослуживцы Ф. М. Достоевского по батальону в Семипалатинске давно уже скончались.

Умерли: бывший командир батальона полковник Бахарев, товарищ Федора Михайловича по нарам в казарме Кан, самоваром которого Достоевский пользовался, штаб-трубач Сидоров и др.

Все эти лица, конечно, и не подозревали, кто скрывался в лице Достоевского. Бахарев был типичный службист, цепкие дни проводивший на плацу с солдатами и требовавший от них точного знания своих обязанностей. Подвергался этому экзамену и Достоевский.

Сохранилась такая аттестация Федора Михайловича со стороны Бахарева: «Достоевский отличался молодцеватым видом и ловкостью приемов при вызове караулов в ружье. По службе был постоянно исправен и никаким замечаниям не подвергался» (Скандин). «Собачья служба», по словам Баха-

рева, «заедала людей, и нам было не до Достоевского», — говорил этот служака. Кац был потом известным домовладельцем в Семипалатинске и только спустя много лет после службы, когда по России пронеслось имя Достоевского, у него открылись глаза на Федора Михайловича. Кац старался вспомнить все мелочи из жизни Достоевского, но не всегда память помогала ему в этом. Особенно тепло отзывался о Федоре Михайловиче Сидоров, по отношению к которому Достоевский являлся подчиненным лицом. Из крепостных военных зданий, в которых Достоевскому приходилось бывать по делам службы, в настоящее время сохранился только деревянный дом командира батальона, за последнее время подвергшийся некоторой переделке. Изба (бывшее караульное помещение), где Достоевский бывал на карауле, уничтожена; казарма — место жительства Федора Михайловича, сгорела в 1881 г. Остался также дом Лепухиных по бывшей Крепостной улице, в котором Достоевский жил офицером после брака с вдовой Исаевой, до самого отъезда своего из Семипалатинска. Этот дом известен теперь под названием «Домика Достоевского», на нем имеется мраморная доска с соответствующей надписью. Только этот домик и улица с именем Достоевского и говорят о том, что в Семипалатинске некогда жил великий русский писатель, отбывающий здесь воинскую службу в течение пяти с лишним лет.

Друзья и знакомые.

С первого же момента по приезде Достоевского в Семипалатинск у него появились знакомые и друзья. Федор Михайлович в порядке дисциплины познакомился, кажется, раньше всего с командиром батальона, подполковником Велиховым, и вошел с ним даже потом в дружеское общение. Велихов принимал Достоевского, до производства его в офицеры, у себя на квартире, как доброго знакомого, ничем не обнаруживая перед ним своего начальственного положения. Призвав сначала Достоевского к себе для чтения ему, Велихову, газет, батальонный командир, повидимому, оценил нравственное значение личности Достоевского, а, может быть, даже почувствовал на себе влияние личности Федора Михайловича, и скоро стал проявлять себя по отношению к Достоевскому, как к гостю. Нередки были случаи, когда Велихов оставлял у себя обедать Федора Михайловича и очень любезно знакомил его с чиновниками, запросто приходившими к Велихову. В квартире Велихова Федор Михайлович, таким образом, завел свои первые знакомства с представителями служилой городской интеллигенции. Последние любезно приглашали Достоевского к себе. Надо думать, что Федор Михайлович пользовался этими приглашениями. Известно, что он охотно и часто посещал командира казачьей бригады, полковника Хоментовского, которого познакомил с ним Велихов.

Интересной личностью был Хоментовский. Он любил простоту в обращении, любил теплую компанию. Находясь под парами, иногда со своими компаниями в самом нестеснительном виде — в растегнутом мундире и с бутылкой шампанского — отправлялся по своим знакомым, приносил с собой всеселье.

В «добрье» старые времена такая гуляющая компания городских чиновников и офицерства не вызывала среди обывателей какого-либо изумления; это считалось в порядке вещей.

Федор Михайлович понравился Хоментовскому и последний был явно к нему расположен. Уже будучи бригадным генералом, Хоментовский приглашал

шал к себе на квартиру рядового Достоевского, вышивал с ним и совершил свое обычное путешествие к знакомым. Однажды бригадный, в компании с Федором Михайловичем и двумя своими сестрицами (имея с собой три бутылки шампанского), посетил стряпчего по уголовным и гражданским делам, барона Врангеля, близкого друга Достоевского. Хоментовский был образованный человек, отъял остроумием и находчивостью. Попадая в опасное положение со своим отрядом во время военных столкновений с киргизами в степи, Хоментовский, благодаря своей находчивости, всегда уходил в целости. Достоевскому он нравился, и Федор Михайлович бывал у него часто.

Также часто Достоевский ходил к командиру линейного казачьего полка, полковнику Мессаропу. В доме последнего процветала азартная картежная игра, но Достоевский в ней обычно не участвовал. Имя Мессаропа на всей казачьей линии наводило страх. <

Проезжая по казачьим поселкам, Мессароп всюду наводил порядки. От него доставалось не только казакам, но и казачкам. Достаточно ему было увидеть небеленую трубу на избе, чтобы тотчас же хозяйке этого дома всыпать за неряшлисть по хозяйству горячих. Строгий по службе, Мессароп, однако, проявлял себя дома, как очень любезный и гостеприимный хозяин. Не менее любезна была и супруга его. Квартира Мессаропа была для Достоевского также одной из приятных.

С удовольствием еще посещал Достоевский квартиру начальника округа Ковригина, где его встречали очень радушно. Жена Ковригина всегда бывала Гада Федору Михайловичу. Семейная жизнь в доме Ковригина не клелилась. Сам Ковригин пил тройную и достаточно опустился, нередко ревновал жену к другим. Все это удручало Ковригину, и посещение Федором Михайловичем дочери Ковригиных освежающим образом действовало на семейную атмосферу названных супружеских.

Из офицеров Достоевский был дружен, кроме Велихова, спас с А. И. Бахиревым и Гейбовичем; последний одно время являлся ротным командиром Достоевского. Бахиева можно считать самым образованным офицером того времени в Семипалатинске. Он отличался широким кругозором, большой любознательностью и был очень способный человек; считался в городе начитанным человеком. Выписывал толстые передовые журналы, живо интересовался русской литературой и ее течениями и очень много читал. Достоевский не мог не отличить его в офицерской среде и с удовольствием беседовал с ним. Первоначальное знакомство этих двух людей перешло в дружбу, и некоторое время они жили даже на общей квартире.

Дружеские отношения связывали Достоевских—мужа и жену—и с Гейбовичем и его семьей. На это указывает и письмо Достоевского Гейбовичу из Твери от 23 октября 1859 г., т. е. вскоре же после отъезда Достоевского из Семипалатинска. В семье Гейбович к Федору Михайловичу относились с глубоким уважением и видели в нем светлую личность. Сохранились воспоминания дочери Гейбовича, в замужестве Сыгиной, о Достоевском с характеристикой личности Федора Михайловича и его отношений к другим. Интересны следующие строки из этих воспоминаний:

«У Федора Михайловича немало было знакомых из разных слоев общества, и ко всем он был одинаково внимателен и ласков. Самый беллый человек, не имеющий никакого общественного положения, приходил к Достоевскому, как к другу, выкладывал ему свою нужду, свою печаль и уходил от него обласканный. Вообще, для нас, сибиряков, Достоевский—личность в высшей степени честная, светлая; таким я его помню, так я о нем слышала от моего отца и матери, и, наверно, таким же его помнят все знавшие его в Сибири» («Истор. Вестн.», 1885 г., январь).

Выезжая из Семипалатинска, Достоевские сдали своего денщика Василия Гейбовичу, зная, что здесь с ним будут обращаться по-человечески. В семье Гейбовича Василий почти ежедневно с теплым чувством вспоминал о Федоре Михайловиче.

В Семипалатинске сейчас живет современница Достоевского: вдова, жена чиновника, Анна Ивановна Згерская. Ей уже около 90 лет. Достоевского она помнила и говорила, что неоднократно танцевала с ним на вечерах. К сожалению, дальше этого воспоминания Згерской о Достоевском не идут,—старушке совершенно изменила память.

После производства в унтер-офицеры, Достоевский перешел на частную квартиру. Некоторое время он жил у старожилов г. Семипалатинска Ладыниных. Невидимому, с ними Федор Михайлович был очень дружен. Пальшины видели в нем не только квартиранта, но и высоконинтересного человека, и считали его чуть не членом своей семьи; постоянно знали, когда и чем он занят. Пальшины говорили, что Достоевский много читал и писал, особенно по ночам.

Из воспоминаний Мамонтовой-Мельчаковой видно, что Достоевский был домашним учителем Мамонтовой и часто посещал их дом. Здесь его дружески принимали, ценя в нем образованного человека. Достоевский к тому же оказался и способным педагогом, сумевшим заставить учиться и понимать проходимое на уроках малоспособную и ленившую Мамонтову. В трудных случаях, когда Достоевскому приходилось прилагать не мало усилий к тому, чтобы опытным педагогическим способом сломить капризы и своеволие своей ученицы; когда результаты этого опыта оказывались удачными, в таких случаях Федор Михайлович дарил своей ученице коробку конфет. О Достоевском у Мамонтовой остались теплые воспоминания.

Е) Семипалатинске проживала группа политических ссыльных поляков. Они жили замкнуто, особняком, но вполне солидарно между собой, оказывая взаимную материальную и моральную поддержку друг другу. Здесь были и венгерские поляки из армии Гергеля, сдавшейся русским в 1848 г. Хотя они являлись по существу восинно-шленными, однако, Николай I приказал разослать их по Сибири на поселение, как преступников своей страны. Часть венгерцев-поляков попала в Семипалатинск.

Поляки не нравились Достоевскому и знакомства с ними он избегал. Но тем не менее в числе знакомых Достоевского значились поляки—бывший инженер Гиршфельд, Карл Ордынский и Нововейский. Гиршфельд изредка посещал Врангеля с Достоевским, когда они жили на общей квартире. Более сердечно Федор Михайлович относился к Ордынскому.

Из архивных данных бывшего Областного правления в Семипалатинске видно, что братья Карл и Феликс Ордынские, мелкие польские дворяне, в 1826 г. судились в Белостоке по политическому делу и были присуждены военным судом к четырехлетним каторжным работам каждый, каковые работы и о-был^в Устькаменогорской каторжной тюрьме. Затем были сданы в солдаты в Семиречье. Кончив военную службу, Карл Ордынский приехал в г. Семипалатинск и здесь сначала имел частное занятие у Попова (служил по виноторговле), затем поступил на государственную службу на должность смотрителя провиантских магазинов. Имел свой дом и пашню на Бель-агаче. По выходе в отставку, получал небольшой полупенсион. Судьба Феликса Ордынского неизвестна. Дом Ордынского Достоевский посещал охотно. Иногда оставался у него для своих занятий и даже на ночь.

Из поляков—Достоевский был также знаком с Нововейским. Последний с женой своей довольно часто ходил к Достоевским. Нововейский был скромный, болезненного вида человек. Достоевские угощали Нововейских часм, оставляли у себя обедать и вообще относились к ним внимательно. Федор Михайлович иногда помогал Нововейскому и материально.

Вообще же Достоевский держался в стороне от поляков.

Семья Исаевых была тем домом, с которым Достоевский оказался связанным очень крепко. Как же относился Достоевский к самому Исаеву? Федор Михайлович очень жалел Александра Ивановича Исаева, страдавшего заением и допивавшегося даже до белой горячки. Достоевский не судил Исаева, обвиняя во всем его судьбу. Оба Исаева были расположены к Достоевскому и считали его как бы своим. Федор Михайлович ценил такое отношение к себе. В письме к Исаевой в Кузнецк Достоевский так говорит об А. И. Исаеве:

«Я припоминаю, что я у вас был, как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я вам обоим моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Обнимая его от всего сердца и, как друг, как брат, желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтобы водиться с ним, пить есть с ним и от него же сносить гадости? Да это значит вредить себе сознательно. И как противны они, главное, как грязны! После иной компании так же грязно на душе, как будто в кабак сходил. Надеюсь, Александр Иванович за мои пожелания на меня не рассердится» (из письма от 4 июля 1855 г.).

Во времена Достоевского Семипалатинск пил горькую. Захолустье заставляло людей, а слабовольных, как Исаев, и губило. Исаев был неразборчив в выборе приятелей по выпивке. Всегда находились охотники выпить на чужой счет. Местные запивались из чинуш ^{известиями и лабостями}. Исаев ^{всего} пользовалась ею. А в результате ^{известиями и лабостями} Исаева него всякие «гадости». Достоевский возмущался таким поведением собутыльников Исаева, но был бессилен помочь ему. Известие о смерти Исаева в Кузнецке очень расстроило Федора Михайловича.

В письме к Врангелю от 14 августа 1855 г. Достоевский следующим образом делится по этому поводу своими впечатлениями:

«Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь расстроен! Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у когохватило бы терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства! Вы его мало знали. Он умер в нестерпимых страданиях, но прекрасно. И смерть красна на человеке. В мучениях о ней (жне) он забывал свои боли. Бедный!».

Несомненно, в этой оценке покойного Исаева Достоевский руководился отчасти известным правилом: *de mortuis ant bene, ant, nihil*, но, с другой стороны, несомненно также и то, что Федор Михайлович видел в этом, спившемся и обиженнем судьбой чиновнике высокие человеческие черты.

В числе близких друзей Достоевского был стряпчий по уголовным и гражданским делам, как тогда назывался областной прокурор, барон Александр Егорович Врангель. В судьбе Достоевского он играл большую роль и явился настоящим светлым лучом в нелегкой семипалатинской жизни Достоевского.

Представитель высшего света, Врангель, по окончании курса в лицес, двадцатилетним юношей отправился в Сибирь возвращать там законность. Образование и связи сразу дали ему место прокурора в Семипалатинске, куда

он и приехал в 1854 г. Еще в Петербурге Врангель знал был со старшим братом Достоевского, Михаилом Михайловичем, от которого привез Федору Михайловичу письма, белье, книги и 50 руб. денег. Друг Федора Михайловича, известный поэт Аннодон Майков, также прислал с Врангелем в Семипалатинск Федору Михайловичу письмо. Достоевский очень рад был приезду Врангеля и тем письмам и известиям из столицы, которые привез Врангель. Тесная дружба связала этих двух лиц в Семипалатинске. Образованный, экспансивный, идеально настроенный Врангель приводил Федора Михайловича в восторг своим желанием сократить чиновных воров и казнокрадов, которым он обяжил войну. Молодому Врангелю казалось, что он может перестроить мир на основе права; может уложить жизнь в прокрустово ложе законности. Над ним посмеивались, но тем не менее боялись разные господа с подмоченной репутацией; с прокурором шутки были плохие. В городе, конечно, заметили дружбу прокурора с солдатом из политических каторжан; одни недоумевали по этому поводу, другие злословили. Но Врангель не стеснялся этим и открыто демонстрировал свою дружбу с Федором Михайловичем.

Вскоре же по приезде Врангеля в Семипалатинск, Достоевский уже был своим человеком в доме прокурора. Он часто бывал у Врангеля, обедал с ним и т. д. Друзья^{*)} ездили на охоту (Достоевский не стрелял), ходили на Иртыш^{**)} на рыбную ловлю и много времени проводили вместе.

Протежируя своему другу, Врангель ввел его даже в дом губернатора. Об этом сам Врангель говорит в своих воспоминаниях следующим образом:

«Иоеный губернатор области был П. М. Спиридонов, добрейший человек, простак, гуманный и в высшей степени хлебосол. Я очень скоро сделался у него своим человеком, обедал через день и приобрел его полное доверие. Он встречал Достоевского то там, то сям и, кажется, сам даже ходатайствовал за него у батальонного командира по просьбам из Омска^{*)}. Желая во что бы то ни стало дать ему возможность ближе узнать и оценить Достоевского, я попросил разрешения ввести Ф. М. к нему в дом. Он помолчал, подумал и сказал: «Ну, ну, приходи с ним, да запросто, в шинели, скажи ему».

Вскоре Спиридонов искренно полюбил Достоевского, он сделался у него своим человеком; где только мог, Спиридонов ему помогал и вообще был ему полезен^{**)}). Пришло и чиновному миру раскрыть двери перед Достоевским, хотя последний далеко не навязывался на знакомство с влиятельной публикой.

Врангель был свидетелем любви Достоевского к Исаевой и всех дальнейших перипетий этой страсти. По отъезде Исаевых в Кузнецк, когда Достоевский страшно затосковал, Врангель всячески старался облегчить для Федора Михайловича тяжесть разлуки с Марией Дмитриевной Исаевой.

Некоторое время друзья жили на одной квартире. Федор Михайлович глубоко ценил Врангеля и любил его. Отъезд Врангеля из Семипалатинска поразил Достоевского. Он остался одинок (Исаевы уже были в Кузнецке). В письмах к своему другу Федор Михайлович изливает всю свою душу. Достаточно ознакомиться с этими письмами, чтобы понять, чем Врангель являлся для Достоевского. «Добрейший, незаменимый друг, бесценный, единственный друг мой, чистое, честное сердце, незабвенный, дорогой» и т. п.— вот чем пестрят письма Достоевского к Врангелю.

^{*)} Влиятельные знакомые Федора Михайловича.

^{**)} Врангель. Стр. 25.

Около двух лет прожил Врангель в Семипалатинске и за это время друзья крепко сжились друг с другом. В грустном настроении покидал Врангель Семипалатинск,—ему жаль было своего друга, Федора Михайловича.

«Воспоминания» рисуют следующую картину расставанья друзей:

«Мы оба в эти два года тесно сжились, полюбили друг друга, привязались, делали радости и горести сибирской жизни, выкладывали друг другу душу. А как это дорого в тяжелые минуты оторванности от всего дорогого, как облегчает это — поймет всякий, кому случалось быть в таких условиях! Жутко мне, — продолжает Врангель, — было покидать его! Я был молод, здоров, полон розовых надежд. А он?.. он, этот великий талант, во всеу судеб оставался здесь, в этих лебрях, бескорыстным солдатом, заброшенный, больной, одинокий, без опоры, без слова сочувствия, лишаясь во мне последнего друга! От всей души было мне жаль его... Но... настал и час моего от'езда. Уже смеркалось. Мы обнялись крепко-крепко. Расцеловались и дали слова друг другу не забывать. Как умел, старался я его ободрить и обнадежить. Оба мы прослезились. Уседя я в кибитку, обнял в последний раз моего бедного друга. Ямщик дернул возки, рванулась вперед моя тройка... и поскакал я. Я оглянулся еще раз назад: в вечернем мраке слег виднелась понуряя фигура Достоевского. Я мчался... куда?.. на что?.. Не раз думы мои возвращались в Семипалатинск, в унылую избуницу покинутого друга»*).

Одиночество тяжело отзывалось на Федоре Михайловиче. Он спешит излить свои чувства Врангелю: «Хочу говорить с вами попрежнему, как в Семипалатинске, когда вы были для меня всем! и другом, и братом, когда мы сба делили друг с другом свои заботы сердечные» (письмо от 21 дек. 1856 г.).

Как ни тяжел был для Достоевского от'езд Врангеля, однако, с этим от'ездом у Федора Михайловича связывались некоторые надежды на улучшение своего положения. Достоевский направил с Врангелем письма к влиятельным лицам, да и на самого Врангеля возлагал некоторые надежды. Он с нетерпением ожидал от Врангеля известения. «Если вы только знали всю мою тоску, все мое уныние, почти отчаяние теперь, в настоящую минуту, то, право, поняли бы, почему я ожидаю вашего письма, как спасенья? Оно должно многое, многое разрешить в судьбе моей», — пишет Федор Михайлович Врангель (письмо от 23 марта 1856 г.).

Надежды Достоевского не остались напрасны, ^его уволили в отставку и разрешили выехать в Европейскую Россию.

Федор Михайлович в разное время послал Врангелю 20 писем: из Семипалатинска—десять (два—в 1855 г. шесть—в 1856 г., два—в 1857 г.), из Твери четыре (все в 1859 г.), из Висбадена—три (1865 г.) и Петербурга—три (также в 1865 г.). Первые письма из Семипалатинска полны глубокого чувства к Врангелю.—Федор Михайлович тяжело переживает тоску и одиночество. В лельнейшем время изгладило остроту разлуки. Позднее друзья имели несколько встреч. Последний раз Врангель встретился с Достоевским в Петербурге п'я 7*, г. «Я очень рад был опять его увидеть,—сообщает Врангель в своих «Воспоминаниях»,—встретились мы, казалось, сердечно попрежнему, но... Это не был уже мой прежний, дорогой семипалатинский Федор Михайлович! Время и долгая разлука, конечно, наложили свою печать на наши отношения. О прошлом ни слова; он даже не сказал мне, что он вторично женился и как идут его дела» (стр. 219). В 1879 г. Врангель выехал генеральным пограничным консулом в Данциг. Здесь из русских газет он узнал о смерти Достоевского в 1881 г. Кончина Федора Михайловича, естественно, потрясла Врангеля. Он живо вспомнил время семипалатинской жизни с Достоевским.

«Все прошлое воскресло в моей памяти, мне мучительно жалко стало моего былого старого друга», — пишет Врангель в «Воспоминаниях» на смерть Достоевского. — «Хотя последние годы и раз'единили нас, но я не переставал хранить к нему глубокое чувство любви и уважения» (страница 219).

С грустью встретили известие о смерти Федора Михайловича и в Семипалатинске те из обывателей, которые знали Достоевского лично и имели с ним какое-либо общение. Слава великого писателя, которая царила за Достоевским, еще более усилила значение смерти Федора Михайловича для семипалатинских его знакомых.

Семипалатинск времен Достоевского.

Семипалатинск пятидесятых годов минувшего столетия, когда в нем жил Ф. М. Достоевский, представлял из себя большое село, затерявшееся в песках. Он только что был преобразован в областной административный центр открытой в 1854 г. (год прибытия Достоевского в Семипалатинск) Семипалатинской области. Город можно было разделить на четыре части: в западной части лежала Семипалатинская станица, населенная казаками. Небольшие деревянные домики станицы напоминали типичные казачьи поселки Иртышской казачьей линии. Восточная часть города была занята татарами и представляла из себя замкнутый мир. Высокие постройки шатрового характера с окнами, обращенными в ограду, ревниво охраняли татарскую семейную жизнь от посторонних взглядов: здесь резко чувствовался восточный уклад жизни, который регулировался своим особым кодексом. Середину между станицей и татарской частью города занимала бывшая «Семипалатная» крепость, основанная в 1718 году и упраздненная в 1838 году. Здесь находились военные постройки: казармы, квартиры военного начальства, гауптвахта, тюрьма и т. д. И, наконец, севернее крепости тянулась небольшая линия обывательских домов. Терпеликий центр города был тогда загородной степью, куда ездили на охоту. На месте Никольского собора, занимающего центральную часть города, существовало озерко, где свободно располагались дикие утки, привлекавшие охотников. При постройке Никольской церкви пришлось озеро забутить камнем, сверху выстлать всю площадь под храм каменными плитами под цемент, на которых уже и был выстроен храм. На весь город было одно каменное здание — Знаменский собор, заложенный в 1777 году. В татарской части было семь деревянных мечетей. В городе существовал большой меновой двор, стягивавший торговлю степи. Сюда приходило много тургояков караванов из Средней Азии. В торговле принимали деятельное участие татары, сарты — ташкентские и каткарлыки (из Кацхарии) и отчасти русские. На весь город существовал один только галантейный магазин с полбором всех товаров, в каких только нуждался обыватель. Одна казенная аптека удовлетворяла потребности населения в врачевании. Хозяйством города ведало городское общественное управление, — городская ратуша, начавшая свои действия с 1783 г. под названием городового магистрата. Потребность в образовании удовлетворялась приходским мужским училищем, открытым в 1833 г., и мужским уездным трехклассным, появившимся в 1859 году и преобразованным в 1881 г. в пятиклассное городское училище. Спрос на первоначальное женское образование получил некоторое удовлетворение в ноябре 1860 г. открытием при мужском уездном училище элементарной женской школы, преобразованной в 1864 г. в женское училище второго разряда и в 1871 г. — в женскую прогимназию. Порядок в городе поддерживался представителем надзора, по-

сившим громкий титул полицеймейстера (полицейское управление открыто в 1755 г.). Освещения не существовало, гостиниц тоже. Умственные запросы были ничтожны. На 5-6 тысяч городского населения выписывалось 10-15 газет и журналов, да и с теми нередко знакомились из десятых рук. Город на тысячи верст отрезан был от культурных центров. Сношения с другими местами поддерживались только с помощью линейного казачьего тракта, расположенного по берегу Иртыша. О пароходстве не было и помину. Семипалатинск представлял из себя тогда отчаянную глупыш. О приезде всякого нового человека в городе узнавали моментально. Сибиряки определенно отмежевывались от приславших из Европейской России, последних называли «российскими». В городе было только одно пианино. О сладостях, кроме ташкентских сушечных фруктов, имели мало понятия. Врангель рассказывает, что когда он преподнес в подарок одной даме десяток засахаренных ананасов, так глядеть их сбежался чуть не весь город. Даже ржевская пастила, выписанная Врангелем из Казани, показалась необычайным лакомством. Интерес к совершившемуся на белом свете был небольшой. Даже происходившая в то время крымская война не особенно то будировала семипалатинцев. Они жили своей жизнью, ничем не реагируя на большие политические события. Материальные интересы доминировали над всем. В карты играли сильно. Устраивались грандиозные попойки. Про одного купца рассказывали, что он гостей своих держал у себя по неделе, приказывая прислуге запирать у себя ворота и никого не пускать из дома. Угощались на славу. Чиновники ходили на достархан к богатым татарам, которые в этом видели для себя особую честь. За отсутвием умственных интересов, процветали сплетни. Дамы умирали со скуки. Даже фокусники и бродячие труппы не заглядывали в Семипалатинск. Иногда солдаты устраивали у себя в казарме «спектакли», на которые собирался местный бомонд;—публика рада была всякому развлечению. Солдаты-артисты не особенно разборчивы были в выборе репертуара и, случалось, преподносили такие вещи, что дамы турманом вылетали со «спектакля», а мужчины хохотали до упада. Даже цветов присличных тогда не было в городе; о сирени, жасмине и т. п. и не слыхивали. Жизнь была дешева. Врангель за свою квартиру в 3 комнаты, конюшню, сарай, помещение для трех лиц, стол и отопление платил 30 руб. в месяц. Квартира Достоевского со столом и стиркой белья обходилась Федору Михайловичу в 5 руб. в месяц. Правда, потребности Федора Михайловича были скромные, но на 4-5 рублей в месяц тогда все-таки можно было прожить и даже каждый день есть мясо. В большое употреблении был табак Бостанжогло и Жукова; его курили из длинных чубуков; среди солдат большим распространением пользовалась махорка. Чиновники, помимо жалования, жили «безгрешными» доходами. Батальонный командир Достоевского, подполковник Велихов, получал большую экономию от солдатского котла, пропека хлеба, всякого оемонта по батальону, разных заготовок для солдат и т. д. Со слов самого Велихова, Врангель определяет его доходы в 5-6 тыс. руб. в год. Немудрено, что Велихов очень широко жил, устраивая своим приятелям богатейшие угощения с обильными возлияниями. Командир казачьего линейного полка, полковник Мессарош также не был в пакладе от своей службы. Поставка овса для кавалерийских лошадей давала большие барыши, которые целиком или в карман Мессароша. Можно себе представить, какое хищение было в тюрьме!

Чиновники областного управления обильно стригли татар при призывае их на военную службу.

Все хорошо знали в городе друг друга и обращались друг с другом просто. «Ты» было в ходу. Даже губернатор Спиридовон говорил прокурору «ты». Правда, это можно объяснить установившимися между этими людьми близкими отношениями, тем не менее в обращении служащей интеллигенции существовала большая патриархальность, и «тыканье» вовсе не являлось признаком какой-либо особенной грубости или желанием оскорбить человека. «Жалкий был городишко, скучный впечатлениями, увязший в сплетнях и дрязгах», — характеризует Врангель Семипалатинск (стр. 77). Высшим начальством края являлся генерал-губернатор Западной Сибири, проживавший в Омске. Город Омск мало чем отличался от Семипалатинска. Это был такой же маленький, затерявшийся в степи городишко, как и Семипалатинск. И состав администрации здесь был интересный. Врангель, направляясь в Семипалатинск, при проезде через Омск, представился своему высшему начальству, — генерал-губернатору Гасфорту и военному губернатору области сибирских киргизов Фридрихсу. Впечатления от этого визита сохранились в письме Врангеля к своему отцу от 8 декабря 1854 г.:

«Он (Гасфорт) принял меня высока, руки не дал, хотя и пригласил обедать. Он так пуст и глуп, что много говорить о нем не буду. Он, пожалуй, и желал бы добра краю, да взяться не умеет. Здесь слово его — закон, и ему оказывают чуть не божеское почитание. Военный губернатор Киргизской области, генерал-майор Фридрих, хороший, отличный человек, но глуп, как пробка. Доклады выслушивает стоя, играя на флейте. Поднесенные ему для подписи бумаги весит на безмене и потом хвастает, сколько пудов ему нужно было подписывать за неделю».

Разезды генерал-губернатора по краю всегда производили переполох. Неограниченный владыка, настоящий самодержец, генерал-губернатор был введен в животе и смерти каждого. Чиновники приезда его ждали с трепетом; одних он миловал, других разносил. Встречи ему делались торжественные; весь город сбегался к приезду начальника края; являлись и представители киргиз в ярких халатах приветствовать высокого «тюре». Этую помпу генерал-губернатор принимал, как должное, и требовал себе царского почета. Все хорошо сознавали, что приезд генерал-губернатора — это гроза и потому всячески старались как-нибудь отвести удары ее, — делали все возможное, чтобы чем-нибудь не разгневать его высокопревосходительство. Священнику семипалатинского Знаменского собора очень винило от Гасфорта за то, что батюшка не встретил его колокольным звоном. На робкое замечание священника, что трезвоном встречают только лиц царской фамилии, Гасфорт грозно заявил: «Здесь я царь! чтоб в следующий приезд, приказываю, трезвонить во все колокола» (Врангель, 77 стр.).

Гасфорт очень любил разыгрывать из себя высочайшую особу. Ревизия судебные дела Семипалатинского округа, Гасфорт в некоторых из них не видел подписи прокурора. Он набросился на Врангеля. Последний ответил генералу, что прокурор по закону не обязан пропускать журналы округа. «Я здесь приказываю, я — закон», — резко оборвал Гасфорт прокурора. — «Как угодно будет приказать министру юстиции», — ответил на это Врангель. «Что?! здесь я министр юстиции», — дико заорал Гасфорт (Врангель, 73 стр.).

Наезды генерал-губернатора так встряхивали семипалатинцев, что, по отъезде начальства, чиновный мир долго обыкновенно не мог очухаться.

Память Гасфорта увековечена в Семипалатинске присвоением его имени площади, на которой разбит сквер и построена Никольская церковь. Можно себе представить, как себя чувствовали в Семипалатинске лица с умствен-

ными запросами и потребностями к культуре, заброшенные сюда, вроде Достоевского и Врангеля! Их положение было прямо трагическое. Пустота жизни давала себя чувствовать; одной службой трудно было довольствоваться, «во вся тяжкая» не хотелось пускаться. Приходилось изыскивать способы разумного времяпрепровождения. Врангель, например, завел хозяйство, в котором Достоевский принимал участие. Федор Михайлович с усердием занимался цветами, поливал их и всячески ухаживал за ними. Друзья развели в городе цветы, до того невиданные в Семипалатинске: левкой, георгины и т. п.

Семипалатинская глупь действовала на Достоевского удручающе. Невозможность для Достоевского печатать свои произведения еще более усиливала душевную тяжесть писателя. Творческие порывы Федора Михайловича не находили выхода.

Достоевский рвался поступить на гражданскую службу хотя бы маленьким чиновником, чтобы "получить возможность открыто участия в литературе, куда ему пока был загражден доступ. Все это крайне расстраивало Федора Михайловича. — «Семипалатинск надоел мне смертельно», — пишет он своему другу. Об этом захолустье Достоевский вспоминает потом в Твери: «Теперь я заперт в Твери, — пишет он Врангелью, — и это хуже Семипалатинска. Хотя Семипалатинск в последнее время изменился совершенно (не осталось ни одной симпатичной личности, ни одного светлого воспоминания), но Тверь в тысячу раз таже» (письмо от 22 сентября 1859 г.).

Итак, Семипалатинск времен Достоевского представлял из себя отчаянную глупь, страшное захолустье, и в этом-то захолустье Федору Михайловичу Достоевскому пришлось прожить более пяти лет.